

УДК 72.035/.036(571.6)

© *А. П. Иванова, 2008*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ: МАГАДАН – ЗАБЫТАЯ СТОЛИЦА «ДАЛЬСТРОЯ»

Иванова А. П. – канд. арх., доц. кафедры «Дизайн» (ТОГУ)

В статье рассматривается роль организации «Дальстрой» в процессе колонизации северо-востока СССР, а также история строительства г. Магадана, являвшегося неофициальной столицей «Дальстроя». В научный оборот вводится малоизученный материал – архитектурное наследие сталинской эпохи г. Магадана. Для атрибуции архитектурного стиля Магадана предложен термин «сталинский эллинизм». Подробно анализируется декор зданий.

The article describes the role of “Dalstroy” in the process of colonization of the North-East of the USSR. It also considers the construction history of Magadan that was an informal capital of “Dalstroy”. Insufficiently known material – architectural heritage of the Stalin’s period – is introduced in the article. The term “Stalin’s Hellenism” is proposed to attribute the architectural style of Magadan. The buildings décor is analyzed in detail.

Ключевые слова: колонизация Дальнего Востока, сталинский эллинизм, ордерные элементы, тоталитарная эстетика.

В настоящее время сложилось два подхода к изучению культурного наследия советской эпохи 1930-50-х годов (в том числе и архитектуры указанного периода): условно их можно назвать традиционным (труды А. Иконникова, С. Хан-Магомедова, Г. Ревзина, В. Седова [1, 2]) и постструктуралистским (работы Б. Гройса, И. Голомоштока, В. Паперного, М. Золотоносова, Д. Хмельницкого, [3-7]). Традиционная школа трактует сталинскую архитектуру как составную часть евроамериканского неоклассицизма, расцвет которого «был обусловлен естественным процессом художественной эволюции» [8]; постструктуралисты, вслед за М. Фуко, рассматривают советский культурный ландшафт как репрессивное пространство, особо подчеркивая его сходство с тоталитарной эстетикой Италии и Германии. Для того что

бы опровергнуть абсурдность подобных аналогий, достаточно сравнить легионерские поселки Муссолини [9], построенные на колонизируемых территориях и новые города, воздвигаемые Советской властью на Дальнем Востоке.

В данном тексте советское освоение Дальнего Востока рассматривается как закономерное развитие Российской имперской традиции. Для устойчивого существования Империи необходимо ее постоянное территориальное расширение. Этому процессу, как правило, сопутствует стремление оформить ключевые точки колоний с помощью официальной имперской эстетики. При анализе дальневосточной архитектуры 1930-50-х годов, предлагается использовать термин «сталинский эллинизм», описывающий трансформацию государственного классицизма под влиянием местной культурной и природно-климатической специфики.

Актуальность темы не вызывает сомнения, - огромный пласт дальневосточной архитектуры советского периода разрушается на глазах, до сегодняшнего дня оставаясь практически не исследованным. С другой стороны, в последнее время растет интерес к архитектурному наследию сталинской эпохи. По данной теме защищаются диссертации, пишутся статьи [10], создаются сайты и Интернет-сообщества [11]. Введение в научный оборот дальневосточного материала поможет созданию более целостной картины эпохи 30-50-х годов.

Предметом исследования является архитектура г. Магадана 1935 – 58 гг. Со времен перестройки социо-культурное значение Магадана традиционно рассматривалось в свете «Колымских рассказов» В. Шаламова. Данная статья написана на основе периодики, издававшейся в Магадане в 40-50-е гг. [12].

1. «Дальстрой» как главный фактор успешной колонизации северо-востока СССР

Магадан, по сути, являлся столицей «Дальстроя», поэтому следует коротко остановиться на роли, которую сыграла эта могущественная организация в освоении северо-востока страны. За «Дальстроем» была официально закреплена территория от Лены и Алдана до Берингова пролива и побережья Чукотского, Белого, Восточно-Сибирского моря; вся территория Магаданской области (более 800 тыс. км²), восточная часть Якутской АССР (1,2 млн. км²), Корякский автономный округ Камчатской области (около 200 тыс. км²), значительная часть бывшей Нижнее-Амурской области Хабаровского края (около 200 тыс. км²). Общая численность рабочих «Дальстроя» в 1955 г. составляла 100 тысяч человек (для сравнения: население Магадана в это же время - 50 тыс. человек).

Генеральным направлением деятельности «Дальстроя» являлась золотодобыча; попутно решалась проблема освоения территории, начиная от геологоразведки и заканчивая возведением благоустроенных

населенных пунктов. Объем капиталовложений в строительство постоянно увеличивался: с 1933 по 41 г. в 4 раза, в 46 г. – в 5 раз, в 51 – в 13 раз, в 53 – в 13,5 раз. Возросший объем капстроительства в 1941-47 гг. не был обеспечен остродефицитными стройматериалами. «Не хватало цемента, металла, сантехники. На местах изыскивались стройматериалы, разрабатывались и внедрялись облегченные типы конструкций и фундаментов» [13, с. 225]. Все, что было возведено на территории «Дальстроя», снабжалось стеновыми материалами местных кирпичных заводов (в 56 г. 11 заводов выпускали 23 млн кирпичей в год). Местный шлак использовался для изготовления шлакоблоков (3 млн шлакоблоков ежегодно заменяли 21 млн кирпичей).

На севере региона распространение получил крупнопористый бетон, на изготовление которого шел гравий или щебень; расход цемента в таком бетоне был ниже, а морозостойкость выше, чем в шлакобетоне. Раствор на цементе повсеместно заменяли известковыми вяжущими. Известь обжигали в напольных печах. Лесоперерабатывающая промышленность поставляла 750 кубометров леса ежемесячно; в 1954 г.в Магадане завершилось строительство цеха ж/б изделий (5 тыс. кубометров в год); в 1958 г. вступил в действие гипсовый завод, выпускавший 5 тыс. тонн гипса в год.

Основной проблемой являлась механизация строительных работ. В 1945-46 гг. удельный вес механизированных работ в дорожном строительстве составил 80 % от общего объема работ. В «Дальстрое» на 100 млн руб. строительно-монтажных работ приходилось 1,8 башенных крана (в Москве -75, в Норильске -6), 37 бульдозера (в Москве - 22, в Норильске - 5), 6,8 автомобильных крана (в Москве - 40, в Норильске - 3).

К 1956 г. (юбилейный год 25-летия организации) «Дальстроем» было возведено: 36 поселков городского типа и 220 рабочих поселков, общей жилой площадью 724 м²., 50 больниц, 93 детских садов, 158 клубов, 123 школы и 3 порта.

«Комплексное строительство (с электричеством, горячей водой, канализацией, теплоснабжением, школами, яслями, клубами, поликлиниками) – стало нерушимым правилом проектировщиков и строителей «Дальстроя». И это хорошее правило получило воплощение в благоустроенных поселках, созданных вокруг новых промышленных объектов» [13, с. 223].

2. Магадан – столица «Дальстроя»

Первые землянки на склоне Магадано-Нагаевского водораздела появились в 1928 г. Первоначально Магадан исполнял функции «перевалбазы для грузов, поступающих морским путем в Нагаево». Предполагалось строительство административной столицы «Дальстроя» «в 500 км. от порта Нагаево, на заболоченных террасах р. Колымы» [14,

с. 118]. Но исключительно удобная для навигации бухта повлекла за собой создание морского порта, доков, ремонтных мастерских, постепенно превращающихся в заводы. В 1932 г., когда, началось трассирование шоссе Нагаево-Алдан, на заросших стлаником сопках стали прорубаться просеки, намечающие структуру будущего города. В 1933 г. на пароходе «Смоленск» прибыли молодые инженеры – первостроители города: Б. Т. Суворов, И. И. Лукин, Л. Н. Морозов, П. А. Петровский, В. А. Коротун. Один из них, восторженно описывая великолепную бухту, осторожно отмечал: «Нас встревожили огромные массы снега, которые лежали в распадках прибрежных сопки в разгар лета ... Строители впервые столкнулись с такими препятствиями, о которых никогда не подозревали. Зимние температуры здесь ниже -50 градусов» [15, с. 168]. Требовалось выяснить поведение вечной мерзлоты, режим рек, возможность использовать местные строительные материалы – узнать их свойства и запасы; выбрать наиболее приемлемые конструкции зданий и наиболее экономичные типы фундамента. Так как геологи настаивали на безотлагательном начале разработок открытых месторождений «нам пришлось немедленно, не имея еще законченных наблюдений за поведением вечной мерзлоты, за режимом рек проектировать и строить» [15, с. 170]

Первоначально поселок Магадан (Нагаево) расположенный на правобережном склоне реки Магаданка, состоял из землянок, ситцевых палаток и бараков. Собирались привозные сборные щитовые домики, в одном из которых размещалось Главное Управление «Дальстроя». Очевидец вспоминает «старые общежития дальстроевских времен – огромные многокочные казармы коридорного типа, где нормальный культурный отдых после работы – сложнейшая проблема» [15, с. 119]. В поселке имелась одна локомотивная станция на 990 кВт, (замененная на паротурбинный генератор в 1943 г). Современники запомнили «сажу, копоть и пепел, извергающиеся на город из шести «Везувиев» центральной котельни и множества более мелких труб» [15, с. 125]. К 25-летию Дальстроя была введена в строй мощная теплоэлектростанция.

Первые каменные постройки (здания телеграфа и горного техникума) относятся к 1934 г. Два года спустя, было завершено строительство десятилетней школы на проспекте Сталина и жилых каменных домов на углу пр. Ленина и пр. Сталина. Эти здания, увенчанные башенками, акцентировали ключевые перекрестки в намечающейся городской структуре.

В 1935 г. был организован проектный отдел «Дальстроя», в задачу которого входило проектирование первых горнорудных предприятий, энергетических баз, ЛЭП и т. д. Именно в этом году в Магадан прибыли первые архитекторы. Н. Н. Юргенсон и Ю. М. Миронов. Со време-

нем «Дальстройпроект» переехал в «желтое здание с белыми пилястрами».

В 1939 г. были построены: фундаментальное здание Главного управления, 57 – квартирный жилой дом на пр. Ленина, новый больничный городок, первая поликлиника. В 1943 г. на пр. Ленина строилось 6 домов, при возведении которых инженером Головниным были впервые применены крупные фундаментные блоки.

Застройка «столичного» Магадана, велась одновременно со сносом деревянных бараков и времянок (последняя палатка была ликвидирована в 1958 г.), «доставшихся городу по наследству от необозначенного ни на одной карте населенного пункта. Еще в 1945-47 гг. вся территория от ул. Коммуны до пр. Ленина была огорожена высоким серым забором, за которым виднелись скучные крыши каких-то складских помещений» [15, с. 120]. Возможно, это замаскированное указание на уничтожаемые лагеря. На заболоченных пустырях за рекой Магаданкой, рассекавшей город надвое, стояли «покосившиеся хибарки Глинобитки», на месте которых проектировался новый жилой район из четырехэтажных домов, а также парк и стадион. Современник отмечает: «Проектировщикам...повезло: в их распоряжении был огромный кусочек ничем, по существу, не занятой городской территории. Можно было проектировать сразу большой ансамбль зданий, разместив их с учетом солнечного освещения, господствующих ветров и других немаловажных факторов» [15, с. 120].

Послевоенный Магадан раскинулся от бухты Нагаево до бухты Гертнера. В 56 г. город представлял собой «огромный прямоугольник», поднимающийся по обеим сторонам реки Магаданки от бухты к Дукчинскому водоразделу, где находилась главная городская вертикаль – телевизионная башня, увенчанная красной звездой.

Акваторию бухты занимали склады и овощехранилища Колымснаба и промзона с «мрачными заборами, деревянными складами и горами утильного железа», постепенно вытесняемая «новыми белыми зданиями жилых домов». Портовая улица, - нижняя грань прямоугольника, шла параллельно акватории бухты. Перпендикулярно ей, вверх на водораздел, поднимался «прямой как Невский проспект» пр. Ленина. За водоразделом он сливался с Колымским шоссе, уходящим на полторы тысячи километров вглубь материка. Параллельно пр. Ленина была проложена ул. Коммуны. Замкнуть прямоугольник должна была улица, намеченная от телевизионной вышки до Нагаевской стрелки.

Еще в 1956 г. ул. Коммуны производила двойственное впечатление: ее правая сторона уже была сплошь застроена «каменными громадами» с центральным отоплением, ваннами и горячей водой, среди которых выделялись большое здание ВНИИ и дом № 6 со скошенным углом, в то время, как по левой стороне еще ютились «закопченные домишки». От ул. Коммуны сворачивала ул. Пролетарская, которая вела на северную

окраину Магадана – «Колымскую заставу», где располагались новые гостиница, дощатый автовокзал и здание телеграфа. Здесь «к 41 годовщине Октябрьской революции» на месте старого деревянного моста, смытого наводнением 1955 г., был возведен первый на северо-востоке страны мост из сборных железобетонных блоков, огороженный металлической решеткой и освещенный «4 шаровыми светильниками на 8-метровых бетонных столбах». Генпланом предполагалось превращение Пролетарской улицы в основную автомобильную магистраль, застроенную 4-этажными жилыми домами, фабриками и заводами.

Сердцем города являлась площадь Ленина с бронзовой фигурой вождя, который призывно указывал на Север, поощряя дальнейшую колонизацию края. Памятник располагался перед зданием обкома и облисполкома. Площадь фланкировали «простые и строгие архитектурные формы» здания совнархоза. На колористическое решение городского центра косвенно указывают слова В. Сафонова: «Посмотрите, как преобразилось здание обкома и облисполкома после того, как его оштукатурили и окрасили. Куда делась мрачная тяжесть, которая когда-то точно сковывала это здание: оно стало легче, гармоничнее – точно выросло» [15, с. 121].

Для исправления неудачной планировки перекрестка ул. Сталина с пр. Ленина, в районе ул. Дзержинского, на месте частных маленьких домиков и музея Санитарного просвещения, намечалось создание нового городского центра с большой площадью, оформленной «цветниками-террасами широкой эспланады» переходящей в пл. им. Ленина. «Широкая ул. Сталина будет естественно и свободно вливаться в новую площадь, органически с ней соединяясь» [15, с. 120]. Таким образом, намечалось создание цельного градостроительного ансамбля, архитектурными доминантами которого являлись клуб им. Островского, «красивое» здание горнотехнологического техникума, здание областной типографии, многоэтажный Дом геологов и комплекс из четырех многоэтажных кирпичных дома (общая жилая площадь которых была 5-6 тыс. м², т. е. -150 квартир). Реконструированная ул. Дзержинского превращалась в продолжение ул. Сталина, «отданной школьникам и пешеходам». На ул. Пушкина были построены здания обкома профсоюза и деткомбинат, а также высокие жилые дома. К 20-летию города были открыты «современный универмаг, отличная поликлиника, прекрасное здание театра».

Современники отмечали высокий уровень городского благоустройства: «тротуары, вазоны с цветами, залитые асфальтом автомобильные проезды». Хрестоматийная строка «вдали нам сиял Магадан – столица Колымского края» адекватно описывает впечатление от морского фасада ночного города, главные улицы которого освещались двойными рядами «пушкинских» фонарей. Косвенное подтверждение

«иллюминированности» города можно увидеть в стихах 1939 г.: «Бушующею порою/ с винтовкою и кайлом/ идет инженер «Дальстрою/ сквозь воющий бурелом... Раз в месяц он приезжает/ в сияющий Магадан...» [16, с. 127]. Хроники свидетельствовали: «море огней заливаает правый склон долины от устья Каменушки до самой бухты Гертнера» [14, с. 117].

Большое внимание уделялось созданию спортивно-парковой городской зоны, главным украшением которой стал Дворец физкультуры (арх. Машинский): «легкое, светлое, крылатое здание вписалось в ансамбль стадиона и парка; его фотографии обошли все журналы СССР». Широко обсуждалось строительство бассейна в Парке культуры и отдыха.

Магадан возник в дебрях заполярной тайги, которая, впрочем, была полностью сведена на дрова. В хрониках есть упоминания о «последних лиственницах, которые вырубил ретивые прорабы в 1947 г.». Перед городом остро встала проблема озеленения. В ландшафтном благоустройстве использовались вновь посаженные лиственницы, карликовые рябины, шиповник. Разбивались партеры и клумбы, наиболее популярными цветами являлись астры и табак; проспект Ленина «пламенел махровыми маками». Набережная была украшена скверами, с широкими аллеями для пешеходов. К 1959 г. намечалось высадить 20 тыс. кустов и деревьев, дополнительно озеленить Парк культуры и отдыха, оформленный новой входной зоной (арх. Леповский). В саду Областного краеведческого музея удалось вырастить ели, белые березы, черемуху, акацию и смородину, что позволяло строить оптимистичные прогнозы по поводу расширения ассортимента растений, озеленяющих город.

Живописные сопки в окрестностях Магадана были покрыты зарослями непролазного вечнозеленого стланика, низкорослой рябины и березовыми рощами. В районе бухты Нагаева, на ручье Холодном, в Каменном Венце, на Черном Ключе, в поселке Новая Веселая и по дороге на Старую Веселую предполагалось возникновение дачных пригородов, связанных регулярным автобусным сообщением с центром.

4. Стилистический анализ архитектуры Магадана

История Магадана с 1928 по 1956 гг. включала следующие стадии: «ситцево-палаточную», барачную, деревянно-двухэтажную и каменную-многоэтажную [15, с. 121]. Именно на последней стадии складывается «столичный» дальстроевский стиль, основными чертами которого являлись: ансамблевость, парадность, иерархичность. Магаданская архитектура являлась заполярной отраслью «сталинского эллинизма».

А. В. Иконников, объясняя поворот к классицизму, писал, что ретроспективность имеет авторитет привычного [1, с. 432] и что «в 30-е годы архитектура прошлого уже не воспринималась как символиче-

ское воплощение враждебных социальных сил» [1, с. 430]. Неоклассицизм в качестве официальной имперской эстетике был выбран благодаря «убеждению в плодотворности принципов, а иногда и конкретных форм классики для гармоничного упорядочивания современной предметно-пространственной среды» [1, с. 324].

Поразительной особенностью культурного ландшафта Магадана является контраст между «приморской», курортной архитектурой с вычурными барочными деталями и чудовищными природно-климатическими условиями, как бы принципиально игнорируемыми градостроителями. Зрелище изящных коринфских портиков, декорирующих здания, возведенные на вечной мерзлоте, и сегодня производит сильное впечатление. «Магистральная» архитектура Магадана более нарядна и празднична, чем, например, архитектура Комсомольска-на-Амуре, ближайшего от Магадана города, возводимого в то же самое время среди глухой тайги. Благодаря одинаковой этажности (4 этажа) и повторяющемуся приему декорирования фасадной плоскости, (рустовка цокольного этажа, оформление попеременно лучковыми и прямоугольными сандриками оконных проемов второго этажа, гипертрофированные ордерные элементы, объединяющие входную группу с окнами второго-третьего, этажа сильноразвитые карнизы на фигурных кронштейнах), отдельные дома образуют цельные ансамбли. Классцистский принцип трехчастной симметричной композиции переносится с фасадной плоскости на оформление целых кварталов, центральные и угловые части которых выделяются ризалитами или эркерами с навесными трехчетвертными колоннами квадратного сечения, соединенными балкончиками и - в верхнем ярусе - разорванными лучковыми фронтонами. На нижнем уровне здания связаны нарядно оформленными арками; для визуального объединения верхнего уровня используются сквозные балюстрады высоких парапетов с вазонами необычной вытянутой формы, не встречающейся более в дальневосточных городах.

Наиболее интересным памятником архитектуры, рассматриваемого периода, выявленным в Магадане, является Областной драматический театр. Сложная объемно-пространственная композиция театра, ассиметричность главного фасада, геометрический рисунок переплета, расчленяющего огромные «цеховые» окна являются пережитками конструктивизма. Приход нового Большого стиля манифестирует могучий гиперпортик с 4 квадратными в сечении колоннами коринфского ордера, несущий профилированный карниз и высокий глухой аттик, в свою очередь увенчанный 4 скульптурами «новоязыческих идолов» [6, с. 600] с сакральными орудиями в руках. Помимо портика на влияние классицистской традиции указывают изящные балюстрады французских балконов, которые выглядят инородными вкраплениями на аске-

тичной конструктивистской плоскости правого крыла главного фасада. На боковых фасадах ордер редуцирован до чередования лопаток и нейтральных заполнений окон.

5. Классификация декора, типичного для Магадана 50-х годов

Особо следует остановиться на декоре, украшающем магаданские постройки. В провинции, где, по известному определению Г. Ревзина, «формальная структура сооружений сводилась к остову здания и декору на нем» (в отличие от московских высоток, чья объемно-пространственная композиция наглядно отражала иерархичность системы), именно декор нес основную символическую нагрузку. Кроме того, при повсеместной практике типового и повторного строительства, именно на уровне декора прочитывалось отличие между зданиями, декор придавал региональной архитектуре своеобразие и характер. Различные вариации исходных схем и мотивов создавали широкое поле для творческих экспериментов и самовыражения архитекторов.

Классификация декора. Весь декор рассматриваемых построек имеет пластический характер – это гипсовая лепнина, наложенная поверх кирпичного фасада. Мозаичные панно, фрески, резьба по гонту и прочие виды декора в оформлении дальневосточных построек не применялись. По типу размещения на фасадах декор, применявшийся в «магаданском классицизме», можно разделить на ленточный (фризы, пояса межэтажного членения, аттики) и локальный. Под определением локальный понимается размещение декора в виде отдельного пятна на плоскости стены, а так же оформление фронтонов, оконных и дверных проемов, под-над и меж – оконных вставок. По характеру декор разделен на две группы: *символический* и *архитектурный*.

Символический декор. В результате изучения сохранившихся сооружений г. Магадана выявлены следующие мотивы декора. Прежде всего, это *Оккультная государственная символика*. Изображение серпа и молота на фоне земного шара и восходящего солнца, размещалось на фронтонах правительственных, административных, судебно-законодательных и общественных учреждений. Красные звезды-пентаграммы, без сомнения, являлись основным элементом, не только архитектурного декора, но и советского дизайна в целом; они присутствовали повсеместно. Чуть менее были распространены классические ампирные мотивы: *милитаристские* и *связанные с культом плодородия*. К первой категории можно отнести изображения оружия, как условно-архаизированного (мечи, копья, щиты), так и современного (автоматы, пулеметы, пушки, гранаты, карабины, а также самолеты, танки, зенитные установки и т. д.); трофеи (знамена, штандарты); барельефы вождей и героев на медальонах; памятные доски со списками погибших. Ко второй категории – венки, гирлянды, рога изобилия, снопы колосьев, букеты, чаши с пирамидами фруктов, розетки и бутоньерки.

Как правило, символы плодородия служили обрамлением для всех прочих сюжетов. В связи с колоссальным значением, придававшимся военно-спортивной подготовке населения, частым декоративным мотивом являлись фигуры гимнастов и спортсменов, размещенные на фоне гербовых щитов; *спортивные* мотивы невольно снабжались *эротическими* коннотациями. Символика *Труда*, помимо полифункционального изображения серпа и молота, включала – в зависимости от специфики градообразующего предприятия – якоря (судостроительные заводы), лаву, льющуюся из ковша (сталелитейные предприятия), шестеренки (промышленность в целом) и проч. Мотивы, символически связанные с *идеями Просвещения* (раскрытые книги, чертежные и научные инструменты, глобусы, цитаты на латыни, чаши Гипократа), присутствовали в оформлении общеобразовательных учреждений (техникумы, школы, вузы). Стандартным декором, указывающим на данную функцию, являлась пентаграмма, сложенная из раскрытого циркуля и равнобедренного треугольника. *Геральдические* мотивы (гербы, щиты, государственные награды), также заимствованные из ампирического лексикона, переосмысливались в рамках советской эстетики. На зданиях выдающегося в городских масштабах значения размещались фризы с ленточными барельефами, где большинство перечисленных выше мотивов сплетались в линейную композицию, создавая семантически-перенасыщенное смысловое поле.

Архитектурный декор. Не всегда здания имели идеологически окрашенный декор, часто пластическое решение фасада формировалось с помощью архитектурных элементов. Символический декор, как правило, встречается на зданиях с общественной функцией. Жилые дома в основном украшались *архитектурным* декором: кронштейнами. Самый скромный тип декора – оформление угла разновеликим рустом. Квадратный руст повсеместно использовался для выделения цоколя. Оконные проемы оформлялись лучковыми и треугольными сандриками. Наиболее широко в качестве декора использовались ордерные элементы (трехчетвертные колонны, полуколонны, пилястры и лопатки). Из отдельных архитектурных элементов составлялись сложные композиции.

Локализация декора на фасадной плоскости отражала символическую иерархию сталинской эпохи. В верхнем ярусе (фронтоны, аттики, архитравы, фризы, капители гиперордеров) размещались сакральные атрибуты власти: гербы, барельефы вождей и/или открытая книга, символизирующую в авраамической традиции божественную мудрость, абсолютную истину и т. д. Средний ярус (межэтажные фризы, под- и над- оконные ниши, обрамление оконных проемов) декорировали символы изобилия и плодородия. Нижний ярус (оформление порталов и прилегающих участков) был пространством для размеще-

ния утилитарной символики, разъясняющей функциональное назначение здания.

Через архитектурный декор, насыщенный многоуровневой символикой, советская Империя устанавливала историческую связь с предыдущими эпохами и культурами, не давая оборваться имперской традиции, категорически отвергаемой на словах, но зримо воплощаемой в пластических образах.

Подводя итоги, можно сделать **вывод**, что основной задачей сталинского эллинизма являлась культуртрегерская миссия: адаптация великих образцов для неподготовленного зрителя, образование этого зрителя и снабжение его информацией об истории и культуре. Сталинский эллинизм, частной версией которого является архитектура Магадана, успешно интегрировал классические образцы в народное хозяйство, преднамеренно редуцируя сложные смыслы специализированной культуры на уровень обыденного понимания.

В завершении статьи позволю себе привести слова Г. Ревзина: «Классический ордерный язык говорит многое – о традиции, в которую встроена архитектура, о месте, в котором, она располагается, о возможности встроить этот дом и этих, живущих в нем людей в общий замысел гармонии или о невозможности это сделать, о самой мировой гармонии – ее существовании или принципиальном отсутствии» [17].

Библиографические ссылки

1. *Иконников А. В.* Историзм в архитектуре. М., 1997.
2. *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2 кн. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996.
3. *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993.
4. *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994.
5. *Паперный В.* Культура «Два». М., 1996.
6. *Золотоносов М.* Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX – XX веков. М., 1999.
7. *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007.
8. *Хмельницкий Д.* Новые версии советской архитектуры. Тель-Авив, 2002.
9. *Ревзин Г.* Доната Пицци. Шедевры Муссолини. Проект Классика. 2008.
10. *Докторская диссертация Ю.Косенковой, кандидатские диссертации Е. Иовлевой и С. Духанова, а так же статьи М. Мееровича, В. Седова, А. Ложкина.*
11. *Например,* регулярно обновляющиеся сайты ru_sovarch и ARCHITEKTONICA
12. *Газета «Колымская правда»; литературно-художественный альманах «На Севере дальнем».*

13. *Васильев В. А.* Роль Дальстроя в развитии народного хозяйства северо-востока СССР.). Магадан, 1956.
14. *Софронов В.* Город строится. На Севере дальнем. Магадан, 1959.
15. *Лукин И. И.* Строительство на северо-востоке. Дальстрой. К 25-летию. Магадан, 1956.
16. *Долматовский. Е.* Инженер. На Севере дальнем. Магадан, 1959.
17. *Ревзин Г.* Столп и утверждение мнимости. М., 2006.